

ЛОВЦЫ ЧЕРНЫХ ДУШ

ГЕОРГИЙ
ПЕРСИКОВ

ДЕЛО
ПЕТРУШЕЧНИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Оформление — *Василий Половцев*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Персиков, Георгий.

П27 Ловцы черных душ. Дело петрушечника : [роман] /
Георгий Персиков. — Москва : Издательство АСТ,
2024. — 320 с. — (Ловцы черных душ. Ретро-триллер).

ISBN 978-5-17-161594-9

Провинциальный российский город К. полнится страшными слухами: в нем орудует маньяк, убивший уже троих. Все жертвы — взрослые мужчины, которых на первый взгляд ничто не связывает. Они разных профессий, разного достатка и социального положения, убиты разными способами. Ничего общего, кроме одной любопытной детали: у каждого отнят палец. Кроме того, во рту убитых обнаружена игрушечная рука от балаганной куклы Петрушки.

Что это? Мечь? Некий ритуал? Или убийства — лишь игра с полицией?

Чтобы распутать эту кошмарную головоломку, из Петербурга прибывают сотрудники спецотдела столичного сыска во главе с Романом Муромцевым.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161594-9

© Г. Персиков, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Когда Евгений Исаевич наконец вышел на улицу, ночь уже окончательно поглотила город. Днем, когда они только возвращались с экзамена, город шумел и дымил, пригретый первым весенним солнцем, пребывая в непрерывном, суетливом и жизнеутверждающем движении. Кричали торговки, звенели трамваи на бульваре, распугивая собак и мальчишек, теперь же лишь облака скоро неслись по небу, серые на черном, да ветер волновал воду в огромной луже посреди переулка, стояла тишина, но покоя в ней не было.

Евгений Исаевич уже собрался смело форсировать лужу, но прохуdivшийся левый сапог немедленно напомнил о себе, и препятствие пришлось униженно обходить с краю на цыпочках. После испытаний прошедшего дня и выпитой горилки ноги были словно чужие, а мысли в голове скакали, наталкиваясь одна на другую. Годы уже не те. Вот в молодости, сразу после санитарских курсов, он мог бы выдержать три такие студенческие попойки кряду, а потом бы еще пошел искать при-

ключений с барышнями. Э-э-эх... Из оставшегося за спиной кабака послышался взрыв смеха, а потом нетрезвые голоса, неожиданно дружно затянули:

— Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива...

Еще раз вздохнув по ушедшей молодости, Евгений Исаевич натянул картуз по самые уши и побрел в сторону дома. Весь последний год домом для него была маленькая квартирka на последнем этаже, которую он снимал на двоих со своим товарищем по судьбе, таким же великовозрастным студентом Валентином Марковичем. Валентин Маркович обучался на первом курсе юридического факультета, а Евгений Исаевич корпел на первом курсе медицинского. Оба они были разночинцами, оба были не богаты, бессемейны, и, наконец, оба, достигнув сорокалетнего рубежа, решили попытаться нового счастья в студенческой жизни.

Общие невзгоды сплотили случайных соседей, и они сожительствовали дружно, поддерживая взаимное уважение и порядок в своем скромном жилище. Евгений Исаевич, как отставной военный, насаждал дисциплину и следил за ее соблюдением, Валентин Маркович же, более робкий и мягкого характера, покорно подчинялся. Так прошел год, наполненный отчаянной зубрежкой, латынью, бесконечной экономией и ежедневными маршами с юго-западного конца города в центр и обратно. А теперь начались экзамены.

Ноги несли Евгения Исаевича привычным маршрутом, от фонаря к фонарю, огибая места, где грязь была непроходима, а в голове в сотый раз прокручивалась сцена сегодняшнего экзамена по анатомии. В душе его боролись стыд и облегчение — экзамен он все-таки сдал, с огромным напряжением сил, с третьей попытки, но сочувственный взгляд профессора не оставлял сомнений в том, что большая часть оценки была поставлена из уважения к его былым заслугам. Все преподаватели уже знали, что этот странный первокурсник с седеющими усами не простой санитар, а ветеран турецкой войны, служивший под началом самого Склифосовского!

И в этом не было никакого обмана: окончание санитарских курсов совпало с началом войны, и Евгений Исаевич, еще совсем молодой человек, действительно отправился на фронт, служить на перевязочном пункте. После переправы через Дунай, когда госпиталь наполнился стонущими ранеными, знаменитому доктору понравилось, как работает бойкий юноша, неутомимо делавший перевязки, бесстрашно державший трепещущие конечности во время ампутаций, и при этом не потерявший интереса и желания учиться профессии.

После этого он прошел вместе с Николаем Васильевичем Склифосовским всю кампанию, был под Плевной и при обороне Шипкинского перевала. Пилил, бинтовал, накладывал гипсовые повязки, таскал носилки, держал беснующихся

от боли раненых во время операций. До сих пор в дурных снах ему являлись простыни, пропитанные кровью, словно пошитые из алой материи, белые лица умирающих, одежда, перепачканная гипсом и гноем, и тот болгарский стрелок с обмороженными ногами, который протяжно выл перед ампутацией...

Но продолжить службу и получить выслугу и достойный оклад, как ему мечталось, Евгению Исаевичу не довелось — уже в самом конце войны он заразился тифом и больше месяца пролежал в бреду, цепляясь за края жизни. После выздоровления осунувшегося и помрачневшего юношу признали полностью негодным к военной службе в связи со слабостью здоровья и перевели на службу гражданскую. Склифосовский уехал работать в Москву, а Евгения Исаевича пристроили в один из недавно открывшихся корпусов Александровской больницы, где он и провел почти всю свою жизнь, пока в прошлом году не решился-таки получить образование. Врачи, конечно же, и раньше не раз с укоризной замечали ему, что работа санитаря ему не по таланту и что не годится растрачивать жизнь на наложение гипсов и смешивание порошков, когда знаешь медицину не хуже иных врачей, что из вчерашних студентов.

Но вдруг переменить свою жизнь казалось сложным, а может быть даже опасным, и Евгений Исаевич так и просидел на привычном месте, пока сороковой день рождения не возвестил печальным

колоколом, что последний шанс его уходит навсегда. Так что же, может быть, все же попробовать себя в учебе? Чем черт не шутит? Стареющий санитар набрался решимости, ужался где смог, доведя свою и без того скромную жизнь до полного аскетизма, переехал в крошечную квартирку на окраине, да и ту делил пополам с соседом, продал домик, доставшийся от матери, воспользовался скромной помощью друзей и запоздало отправился-таки получать знания.

Но студенческая жизнь оказалась не такой простой, а учеба и вовсе давалась неважно — возраст давал о себе знать. Прочитанное не держалось в голове, складно писать не получалось, а весь его практический опыт с брызгами разбивался о безжалостные тома теории, требовавшие усердной зубрежки. И еще эта чертова латынь!

Воспоминание о поджидавшей его дома неоконченной книге вызвало тоску и зубную боль. Вдоль реки потянул промозглый ветерок, заставляя скукожиться и ускорить шаг. Евгений Исаевич, чертыхаясь, прошлепал по неизбежной грязи вдоль забора. За закрытыми воротами глухо и угрожающе залаяла собака, через дорогу ей ответила другая, потом третья. До квартиры оставалось уже недалеко, но сапог все-таки протек и начал предательски чавкать.

Чтобы отвлечься от унылых мыслей, он по привычке стал переживать о судьбе своего соседа Валентина Марковича. Да, у него-то дела похуже

будут. До седых волос прослужил в крохотном уездном суде присяжным служащим, а проще говоря секретарем, потом перебрался сюда, а теперь удумал учиться на адвоката. Хе! И смех и грех! Наслушался выступлений в суде, написался протоколов заседаний, и решил что он — второй Федор Плевако! Да куда ему. Только зубрит с утра до вечера, а толку чуть! Нет, не сдаст он экзамены, нипочем не сдаст. И на снисхождение ему рассчитывать нечего! Это у нас — медиков есть промеж себя братство, и если ты свой, то тебе почет и всяческое вспоможение, а юристы только и рады друг другу в глотку вцепиться! Тем более какому-то секретаришке! Кому он там нужен, только хлеб отбирать!

Другое дело братья-медики. Приняли его без насмешки, хотя он и старше большинства лет на двадцать. Ну ясное дело, приняли, да не до конца. Все же они уже люди другого века, молодежь, куда старику с ними общий язык найти. А он и сам это все понимает, не лезет, не напрашивается, коли спросят — подскажет, если знает, а не понимает — так и промолчит. Но вот позвали его в кабак, отмечать окончание экзаменов — не погнушался, пошел и сидел до последнего, пока горилка не кончилась.

Евгений Исаевич различил наконец знакомые очертания доходного дома, его черный угловатый силуэт завершал улицу, за ним начинался поросший ковылем пустырь, а за пустырем обнесенное стеной еврейское кладбище. Ветер разгонялся

на просторе и выл на разные голоса, леденя уши и пролезая под шинель. К его удивлению, окошко на третьем этаже светилось тускло-оранжевым. Уже давно за полночь, а он все зубрит. Евгений Исаевич в некотором раздражении покачал головой. Его сосед действительно обладал способностью к заучиванию, просиживая часы за книгами с унылым упорством могильного червя, впрочем, заученное он редко понимал как должно и почти никогда не мог складно ответить, за что не раз был осмеян жестокими сокурсниками.

— Да, у нас побратимов-лекарей такого и в помине нет, — бормотал Евгений Исаевич, открывая скрипучую дверь парадной. — Как там профессор сегодня сказал? «Мало книжек, только кто кровь и гной нюхал, тот лекарь настоящий». А ты? Кто ты им, Валя? — спросил он в сердцах у пробежавшего по стене таракана и принялся карабкаться на третий этаж по скрипучей темной лестнице. — Они же... они же там все чистенькие, а ты? Ты же для них босоногий хлопчик на побегушках, был и будешь! Эх, Валя-Валя...

Наконец он достиг квартиры, на ощупь, долго тыча ключом, нашел замочную скважину и отпер дверь. Внутри было тихо, темно, слабо, но неистребимо пахло кислятиной и папиросным дымом. Дверь каморки Валентина Марковича была приоткрыта, и из нее поперек гостиной ложилась желтоватая полоса света. В дверной щели была различима сгорбленная фигура соседа, навалившаяся

на стол. Окно было закрыто неплотно, и сквозняк слабо трепал оранжевые занавески, тени от лампы кривились и плясали по комнате. Евгений Исаевич откашлялся, громко и с некоторой угрозой. Тишина в ответ.

— Валентин Маркыч, голубчик вы мой, уж за полночь, не пора ли уже в кровать? — строго спросил он соседа, приоткрывая дверь. — Цицерон и Марк Корнелий никуда за ночь от вас не убегут, а утро вечера мудренее... Валя! Да проснись ты, в самом деле! Вон, и чернильницу опрокинул, черт криворукий! Ох!...

То, что показалось Евгению Исаевичу разлитыми чернилами, имело странно знакомый запах, который невозможно было спутать ни с чем другим. Кровь! Свежая и много. Она растеклась темной лужей на столе и медленно стекала на пол. Валентин Маркович лежал, повалившись на стол, рука была странно вывернута ладонью наружу. Указательный палец отсутствовал, на его месте была свежая рана. Вот отсюда и кровь. Старый санитар, уже без малого врач, мгновенно протрезвел, в голове звенело, по спине ползли мурашки. Резко, опытным движением он схватил соседа за одежду и запрокинул ему голову. Куда уж там... Помощь явно запоздала. Выбритое лицо Валентина Марковича было перемазано кровью, глаза остекленели, открытый рот перекошен в гримасе. Мертв, уже пару часов как. Но что это? Во рту торчит что-то белое. «Что же он, палец себе откусил, что ли?» —

мелькнула странная мысль, Евгений Исаевич нахмурился и умело разжал челюсти трупа. Где-то в голове слабый голосок шептал и уговаривал не делать этого, но пальцы уже привычно сами залезли в рот, чтобы освободить дыхательные пути. Несчастный умер явно не от асфиксии, это было ясно и без диплома врача. Тогда что же это? Что-то белое и по размеру явно меньше, чем толстый волосатый палец Валентина Марковича. Он не мог оторвать взгляд от ужасной находки, не в силах понять ее смысл. Кровь ухала в висках, ноги подкосились, и Евгений Исаевич медленно сполз на пол по дверному косяку. Самым невероятным и чудовищным ему показалось то, что это «что-то» само имело пальцы. Пять маленьких аккуратненьких прижатых друг к другу кукольных пальчиков.

Глава 1

Вздании у Чернышева моста, как всегда, царило оживление. Набережная у входа в министерство была забита дорогими экипажами, чиновники высокого ранга, генералы, курьеры и полицейские входили и выходили, впуская через высокие двери порывы холодного осеннего ветра. Укрывшись от общей суеты, в закутке возле лестницы, ведущей на второй этаж, собралась странная компания — высокий статный мужчина с сидящей бородкой, похожий на отставного военного, моложавый батюшка в коричневом подряснике и подозрительный патлатый тип в кургузом пальто, размахивающий стопкой помятой исписанной бумаги.

— Вы просто не можете понять всю важность момента, Роман Мирославович! — Барабанов почти что кричал, находясь в полной экзальтации. — Об этом напишут в английских газетах! Нет, я не смогу молчать! Теперь, когда я своими глазами видел все, всю тяжесть жизни простых людей, брошенных и забытых всеми, те лишения,

которым они подвергаются и по причине которых творится неопишное зло! Этких людей не видно из окна министерского кабинета, так я расскажу ему, все расскажу! Нет, и даже не просите! Я брошу эти слова ему прямо в лицо!

— Нестор, тише! Я вас умоляю! — Муромцев огляделся по сторонам. На счастье, окружающие были слишком заняты своими делами, и на троицу никто не обратил внимания. — Я уважаю ваш порыв, но пользы от этой выходки, которую вы задумали, не будет никакой. Министр придет в ярость, а вас упекут в крепость. А если хорошенько покопаются в ваших прошлых делах, то, может, и вовсе отправят на каторгу!

— Им не напугать меня оковами! — Нестор откинул спутанные волосы со лба и поглядел на друзей с выражением, должным выражать героическую решимость.

— Не сомневаюсь в вашей смелости. Но ведь после такого скандала наш отдел неизбежно закроют, а нас отстранят от дел. Кто же тогда поможет этим несчастным? Кто спасет их от злодеев? Прошу вас, перестаньте гримасничать и отдайте вашу речь, пока ее кто-нибудь не увидел. — Сыщик попытался забрать листы у Барабанова, но тот поспешно отдернул руку и зачихал бумаги за пазуху. — Отец Глеб! Может, вы сумеете на него повлиять, пока он не натворил дел?

Священник посмотрел на Барабанова долгим взглядом и со вздохом проговорил: